Слѣды существованія особой Муромской лѣтописи.

(Къ вопросу о достовѣрности В. Н. Татищева, какъ историка).

Въ числѣ источниковъ для „Исторіи Россійской“, среди „топографій“, т.-е. мѣстныхъ лѣтописей, В. Н. Татищевъ, между прочимъ, упоминаетъ и лѣтопись Муромскую. „Кѣмъ сочинена эта лѣтопись,—пишетъ Татищевъ,—не извѣстно, но многими баснями и не весьма пристойными наполнена, которую у меня въ 1722 г. изволилъ взять Его Императорское Величество, ѣдучи въ Персію“ [1]). Изъ другихъ нашихъ историковъ никто болѣе Муромскою лѣтописью не пользовался, ни одинъ изъ извѣстныхъ теперь списковъ лѣтописи не носитъ имени Муромскаго, равно какъ и ни одинъ не отвѣчаетъ этому имени по своему содержанію. Такимъ образомъ, если мы отнесемся съ довѣріемъ къ сообщенію Татищева, то должны будемъ признать, что у него была въ рукахъ утраченная теперь мѣстная лѣтопись, посвященная главнѣйшимъ образомъ исторіи Муромо-Рязанскаго края или, по крайней мѣрѣ, носившая явные слѣды своего составленія въ этомъ именно краѣ. Но вопросъ въ томъ: можно ли принять слова Татищева о Муромской лѣтописи за чистую монету? Въ самомъ текстѣ „Исторіи“ Татищева ясныхъ и прямыхъ ссылокъ на Муромскую лѣтопись, какъ это видимъ, напримѣръ, въ другихъ случаяхъ: „изъ Ростовской лѣтописи“, „изъ лѣтописца Еропкина“, „изъ раскольническаго лѣтописца“ и т. п.,—такихъ ссылокъ на Муромскую лѣтопись нѣтъ. Съ другой стороны извѣстно, что за Татищевымъ долгое время въ наукѣ держалась печальная репутація фальсификатора древнихъ историческихъ памятниковъ. Въ данномъ случаѣ естественно можетъ возникнуть то же подозрѣніе, какое было заявлено нѣкоторыми историками по поводу ссылокъ Татищева на извѣстную Іоакимовскую лѣтопись. Не есть ли

[1]) Исторія Россійская. Кн. I. Часть I. Москва. 1768, стр. XI—XII.

и лѣтопись Муромская только плодъ воображенія самого Татищева, простая выдумка, имѣвшая цѣлью увеличить въ глазахъ читателей ученый багажъ историка, показать все разнообразіе его источниковъ? Посильное рѣшеніе этого вопроса и будетъ предметомъ настоящаго реферата.

Изучая составъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ", К. Н. Бестужевъ-Рюминъ высказалъ догадку, что для этой „Повѣсти" во многихъ случаяхъ могли служить источниками мѣстныя записи, веденныя въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, и въ Муромѣ. „Ярославъ бился съ Мордвой и побѣжденъ августа 4",—это извѣстіе, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, записано въ Муромѣ; тамъ же могло быть записано и то, что въ 6596 г. Муромъ взяли болгаре" [1]). Число подобныхъ, несомнѣнно Муромскихъ записей, — добавимъ мы отъ себя,—можно бы увеличить еще значительнымъ количествомъ примѣровъ [2]). Но такимъ путемъ поставленный вопросъ о Муромской лѣтописи у Татищева не рѣшается. Мы должны избрать другой, болѣе надежный путь. Если въ предисловіи къ „Исторіи" Татищевъ говорилъ правду, то въ его лѣтописномъ сводѣ могутъ быть такія свѣдѣнія о Муромѣ и Муромскомъ краѣ, какихъ въ другихъ сводахъ или вовсе нѣтъ, или какія въ другихъ лѣтописяхъ заключены въ форму краткихъ, недостаточно опредѣленныхъ и связныхъ замѣтокъ, а у Татищева выступаютъ въ видѣ сообщеній болѣе ясныхъ, точныхъ и подробныхъ. Разумѣется, эти излишнія противъ другихъ источниковъ свѣдѣнія у Татищева надо подвергнуть разбору, провѣркѣ другими косвенными данными и соображеніями. Только послѣ подобной критической работы мы получимъ возможность отвѣтить на поставленный нами вопросъ о Муромской лѣтописи съ достаточной увѣренностью.

Кому приходилось видѣть увѣсистые томы „Исторіи" Татищева, тотъ съ опасеніемъ можетъ подумать, что слушателямъ угрожаетъ съ нашей стороны необыкновенно длинный рядъ выдержекъ, сравненій, ссылокъ и т. п. Спѣшимъ разсѣять эту мысль, прежде всего, указаніемъ на то, что „Исторія" Татищева имѣетъ характеръ критическаго лѣтописнаго свода о событіяхъ только до времени татар-

---

[1]) „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в."—Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. Вып. IV. Спб. 1868, стр. 57 (ссылка на Полн. Собр. Р. Лѣт., I, 89, 119).

[2]) Таковы извѣстія: подъ 1174 г. „преставися князь Гюрги Муромьскый, мѣсяця генваря въ 19 день, и положиша и въ церкви (Христовы церкви) Муромѣ, юже бѣ самъ создалъ"; подъ 1227 г. „умре сынъ Давыдовъ Муромьскаго, мѣсяца апрѣля, святыя недѣли праздныя. Тое же недѣли преставися и самъ Давыдъ Муромскый, въ чернцахъ и въ скимѣ"—и друг. (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3 Археогр. Коммиссіи. Спб., 1897, стр. 347, 428 и друг.).

скаго нашествія, а въ дальнѣйшемъ изложеніи число его источниковъ видимо сокращается, пока „Исторія“ (въ послѣдней части) не переходитъ, наконецъ, въ передачу событій по одной лишь лѣтописи. Отсюда и мы для своей задачи вполнѣ основательно можемъ поставить предѣльною гранью то же татарское нашествіе. Затѣмъ, чтобы не злоупотреблять вниманіемъ слушателей, мы и изъ обозначеннаго періода возьмемъ только наиболѣе яркіе примѣры, оставляя въ сторонѣ все второстепенное и мелочное.

1. На первомъ мѣстѣ среди такихъ свѣдѣній о Муромѣ, принадлежащихъ исключительно лѣтописному своду Татищева, нужно поставить цѣлый рядъ его извѣстій о борьбѣ славянскаго населенія съ Болгарами за торговое преобладаніе на Окскомъ бассейнѣ. Отдѣльныя стороны этой любопытной борьбы, отмѣченныя въ другихъ лѣтописяхъ слабыми и отрывочными намеками, у Татищева получаютъ довольно ясный смыслъ и выдающійся интересъ для исторіи не только мѣстной, но и общерусской. Вотъ эти любопытные факты.

Подъ 1006 годомъ у Татищева читаемъ: „Прислали Болгары (волскіе) послав̀ъ съ дары многими, дабы Владиміръ позволилъ имъ въ городахъ по Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія, на что имъ Владиміръ охотно соизволилъ, и далъ имъ во всѣ грады печати, дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали, и русскіе купцы съ печатьми отъ намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія, а болгарамъ всѣ ихъ товары продавать въ градахъ купцамъ, и отъ нихъ купить что потребно, а по селамъ не ѣздить тіуномъ, вирникомъ, огневщинѣ и смердинѣ продавать и отъ нихъ не купить“ [1]). Это интересное сообщеніе Татищева было неодинаково оцѣнено нашими историками. Бестужевъ-Рюминъ отмѣчаетъ позднюю форму извѣстія, его странную сущность и отсутствіе указаній на источники [2]). Соловьевъ и Ключевскій, наоборотъ, считаютъ извѣстіе Татищева драгоцѣннымъ и дѣлаютъ на основаніи его выводы для характеристики торговыхъ отношеній Руси въ области Оки [3]). Внимательно всматриваясь въ приведенный отрывокъ, можно придти къ тому заключенію, что скептицизмъ

---

[1] Исторія Россійская..., кн. II. М., 1773, стр. 88—89 и 416 (примѣч. 208).

[2]) О составѣ рус. лѣтоп., приложен., стр. 33—34.

[3]) *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 2-е изд. Товар. „Обществ. Польза“. Кн. I, столб. 176 и 251.—*В. Ключевскій*. Курсъ русской исторіи. Часть I. М., 1904, стр. 337. Ср. также ст. *Н. Өирсова*: Нѣкоторыя черты изъ исторіи торгово-промышленной жизни Поволжья. Извѣст. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казан. Унив. Т. XIV. Казань. 1898, стр. 481.—Сообщеніе Татищева подъ 1006 годомъ повторено и Екатериной II въ „Запискахъ касательно Россійской исторіи“. (Сочиненія, т. VIII. Спб. 1901, стр. 89).

Бестужева-Рюмина по отношенію къ Татищеву въ данномъ случаѣ совершенно неосновательнъ. Запись подъ 1006 г. отражаетъ въ себѣ слѣды глубокой древности. Что торговля пріокскаго населенія съ болгарами, а чрезъ нихъ и съ Востокомъ, велась въ весьма широкихъ размѣрахъ,—объ этомъ убѣдительно говоритъ найденный въ 1867 г. близъ собора въ Муромѣ кладъ въ 11.000 куфическихъ монетъ [1]). Затѣмъ, печати, данныя купцамъ отъ Владимира, явно напоминаютъ договоры съ греками X вѣка, когда отъ русскихъ гостей и купцовъ тоже требовались въ Византіи золотыя и серебряныя печати, а запрещеніе болгарамъ ѣздить по селамъ только повторяетъ собою слова договора 945 г. о приходящихъ Руссахъ: „да не творитъ бещинья въ селѣхъ, ни въ странѣ нашей“ [2]). Наконецъ, „опасеніе“ для купцовъ болгарскихъ, очевидно, внушалось разбоями, въ которыхъ, какъ сейчасъ увидимъ, особенно замѣтное участіе принимали жители г. Мурома.—Итакъ, важное сообщеніе Татищева подъ 1006 годомъ, послѣ сдѣланныхъ справокъ, выступаетъ предъ нами съ чертами полной исторической достовѣрности. Отсюда уже легко перейти къ догадкѣ о томъ, что запись о договорѣ съ болгарами и относится къ тому затерянному источнику, который Татищевъ обозначаетъ именемъ лѣтописи или „топографіи“ Муромской.

Подъ 1088 годомъ, гдѣ въ другихъ лѣтописяхъ помѣщено только краткое извѣстіе: „въ се же лѣто (6596) взяша Болгаре Муромъ“ [3]),—Татищевъ сообщаетъ: „Въ тѣ же времена были на Волгѣ и Окѣ разбои, и многихъ болгаръ торгующихъ пограбили и побили. Болгары же присылали ко князю Олгу и брату его Ярославу просить на разбойниковъ, но не получа управы, пришедъ съ войски Муромъ взяли и пограбили, а села пожгли“ [4]). Не трудно видѣть, что скудное и обособленное извѣстіе другихъ лѣтописей въ сводѣ Татищева получаетъ смыслъ и связность. Набѣгъ Болгаръ на Муромъ является вполнѣ естественнымъ заключительнымъ моментомъ цѣлаго ряда событій, подробности которыхъ (наприм., имена князей Олега и Ярослава Святославичей, мѣсто, время и обстановка событій) выдер-

---

[1]) *В. Иконниковъ.* Опытъ русской исторіографіи. Томъ I, кн. 2. Кіевъ. 1892, стр. 1369.

[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 47. Ср. тоже въ договорѣ 907 г., стр. 31.—„Древнѣйшее упоминаніе о печатяхъ, какое можно здѣсь привести, относится къ Болгарамъ (Дунайскимъ), къ ихъ договору съ Греками, поставленному въ 715 году и позже въ 805 году“... (*И. Срезневскій.* Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Томъ II. Спб. 1902, столб. 926).

[3]) Лаврент. лѣтоп., стр. 201; то же въ Воскресен., Никонов. и друг. спискахъ лѣтописи.

[4]) Исторія Россійская, кн. II, стр. 139—140.

живаютъ строгую историческую повѣрку [1]). Но этого мало. Самъ Татищевъ въ данномъ мѣстѣ оставилъ явные слѣды того, что сводка лѣтописныхъ извѣстій о Муромѣ дѣйствительно производилась имъ по нѣсколькимъ источникамъ и не безъ критической осторожности. Въ особомъ замѣчаніи къ приведеннымъ словамъ Татищевъ добавляетъ: „О приходѣ Болгаръ и взятіи Мурома во всѣхъ манускриптахъ кратко токмо, что пришедъ Болгары взяли Муромъ, но въ Нижегородскомъ и въ Макарьевскомъ точно противо сего“ [2]). Нижегородскій лѣтописецъ, которымъ пользовался Татищевъ, былъ имъ переданъ въ Академію Наукъ. Подъ именемъ лѣтописи Алатырской эта рукопись употреблена въ качествѣ варіанта при изданіи Воскресенской лѣтописи [3]). Такъ какъ изложеніе событій въ Татищевскомъ экземплярѣ Нижегородскаго лѣтописца начинается только съ 1212 года, то очевидно, что въ упомянутой замѣткѣ Татищева къ 1088 году этотъ лѣтописецъ названъ имъ ошибочно. Лѣтописцемъ Макарьевскимъ, какъ видно изъ предисловія къ 5 книгѣ „Исторіи Россійской“, Татищевъ называлъ ту лѣтопись, которая имѣется теперь въ Румянцевскомъ музеѣ (по содержанію сходна съ лѣтописями Львова и Никоновской) и составленіе которой Татищевъ приписывалъ митрополиту Макарію [4]). Но опять уже одни хронологическія данныя не позволяютъ относить ссылку Татищева къ этой именно лѣтописи. Рукопись Румянцевскаго музея обнимаетъ время съ 1534 по 1560 годъ [5]). Такимъ образомъ, дополни-

---

[1]) „Извѣстіе это,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—очень любопытно и очень вѣроятно: нѣтъ основанія отвергать, чтобъ въ это время не было *ушкуйничества*, которое мы видимъ въ такой силѣ послѣ“. (Ист. Россіи, кн. I, столб. 312, прим. 5). Олегъ Святославичъ (извѣстный „Гориславичъ“), послѣ неудачной для него битвы на Нѣжатинѣ нивѣ съ Всеволодомъ Черниговскимъ въ 1078 г., бѣжалъ въ Тмуторокань, которая, по Татищеву, составляла одинъ удѣлъ съ Муромомъ (подъ 1096 г.:... „въ свои города Тмуторокань и Муромъ“). Отсюда онъ былъ сосланъ хазарами въ заточеніе на островъ Родосъ. Въ 1083 г. Олегъ „пріиде изъ Грекъ Тмутороканю“ (Лаврент. лѣтоп., стр. 198), откуда онъ и могъ принимать очень близкое участіе въ дѣлахъ Рязанскихъ. Ярославъ Святославичъ, по смерти отца († 1076 г.), какъ самый младшій братъ (въ 1073 году, какъ видно на рисункѣ въ Святославовомъ сборникѣ, онъ былъ еще младенцемъ), долженъ былъ получить худшій удѣлъ—Рязанскій, гдѣ и сталъ родоначальникомъ особой линіи князей Рязанскихъ и Муромскихъ. (*Иловайскій*. Исторія Рязанскаго княжества. Москва, 1858, стр. 17).

[2]) Исторія Россійская, кн. II, стр. 440, примѣч. № 298.

[3]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. Т. VII (Воскресенская лѣтопись). Спб. 1856, предисл., стр. VII—VIII. Ср. *Татищева*, Исторія Россійская, кн. I, ч. 1, стр. 63.—Въ Воскресенской лѣтописи (на стр. 4) о взятіи Мурома болгарами сообщается также въ обычной краткой формѣ.

[4]) *Татищевъ*. Исторія Россійская. Кн. 5. Москва. 1848. Предислов.

[5]) *А. Востоковъ*. Описаніе рус. и славян. рукоп. Румянцев. музеума. Спб. 1842. Стр. 362, рукоп. № 257.

тельная замѣтка Татищева или въ обѣихъ своихъ частяхъ заключаетъ завѣдомую неправду, или она подверглась искаженію при перепискѣ „Исторіи Россійской“, которая въ рукописномъ видѣ ходила по рукамъ около 30 лѣтъ. Но предположить первый случай, по крайней мѣрѣ, въ данномъ мѣстѣ рѣшительно нѣтъ возможности. Не странно ли было бы со стороны Татищева дѣлать фальшивыя ссылки на рукопись и эту самую рукопись дарить въ Академію Наукъ, т.-е. поступать совершенно обратно сравнительно съ каждымъ фальсификаторомъ, желающимъ скрыть слѣды своей поддѣлки? „Всякій трудолюбивый,—говоритъ Татищевъ при обзорѣ своихъ источниковъ,—если впредь гдѣ какую лѣтопись сыщетъ, въ которой большія, яснѣйшія обстоятельства обрящетъ къ дополненію сего, академіи сообщить можетъ, дабы при другомъ изданіи могли пополнить и переправить, какъ то со всѣми древними исторіями чинится, какъ уже и мнѣ по написаніи второй части набѣло, отъ нѣкоторыхъ любопытныхъ и объ умноженіи чести отечества прилежащихъ, нѣкоторыя извѣстія и выписки, яко же и цѣлые манускрипты сообщены, которые, если Богъ соизволитъ, собравъ въ порядокъ къ дополненію второй части пріобщу, для котораго надѣюся вскорѣ обѣщанные мнѣ два манускрипта получить“. Въ примѣчаніи къ извѣстію о походѣ Смоленскихъ князей на Полоцкихъ въ 1167 году Татищевъ говоритъ: „сей походъ на князей Полоцкихъ находится въ одномъ Голицынскомъ; но тутъ конецъ утраченъ, и на сторонѣ того же писца рукою отмѣчено: *здѣсь утрачено*“ [1]). Къ отрывку изъ исторіи Полоцкаго княжества подъ 1217 годомъ Татищевъ замѣчаетъ: „Сіе выписано изъ лѣтописца Еропкина, который видно, что пополнивалъ въ Полоцкѣ; ибо въ немъ много о Полоцкихъ, Витебскихъ и другихъ литовскихъ князехъ писано, токмо я не имѣлъ времени всего выписать, и потомъ его видѣть не досталъ, слыша, что отданъ списывать“ [2]). Эти выдержки ясно говорятъ о томъ, съ какою осторожностью, любовью, почти благоговѣніемъ относился Татищевъ къ письменнымъ памятникамъ русской старины и какъ тщательно отмѣчалъ онъ даже пробѣлы въ своихъ свѣдѣніяхъ. „Тайный совѣтникъ Татищевъ,—отзывался о немъ академикъ Миллеръ,—какъ извѣстно, человѣкъ незавидливый, но весьма откровенный въ дѣлахъ, до простиранія наукъ касающихся“ [3]).

---

[1]) Исторія Росс., кн. III, Москва. 1774, стр. 489.

[2]) *Н. Поповъ*. В. Н. Татищевъ и его время. М. 1861, стр. 451—452, 460—461.

[3]) *Н. Поповъ*. Ученые и литературные труды В. Н. Татищева.— Рѣчь въ торжествен. собран. И. Ак. Наукъ 19 апр. 1886 г. (Прилож. къ LV т. Запис. Имп. Ак. Наукъ, № 4. Спб. 1887, стр. 62).— При обзорѣ источниковъ для русской исторіи Татищевъ откровенно назы-

По случаю пожара въ Академіи Наукъ Татищевъ изъявляетъ готовность доставить въ ея библіотеку новые списки присланныхъ имъ ранѣе въ Академію рукописей, а опасаясь подобнаго же несчастія съ его личной библіотекой, онъ охотно предоставляетъ желающимъ снимать копіи съ рѣдкихъ произведеній; „я не жалѣя желающимъ даю списывать“ [1]). При такой любви къ исторической правдѣ и къ широкому распространенію истины, возможно ли было для историка дѣлать завѣдомо невѣрныя ссылки, въ надеждѣ укрыться отъ провѣрки, или изъ легкомысленнаго хвастовства измышлять факты? Остается предположить, что въ разсматриваемой нами замѣткѣ Татищева или самимъ авторомъ допущенъ lapsus linguae, или сдѣлана ошибка переписчикомъ. Намъ кажется, что вмѣсто лѣтописи „Макарьевской“ здѣсь могла быть рѣчь о „Муромской“, что вполнѣ отвѣчаетъ всему содержанію извѣстія о нападеніи болгаръ. Мы хорошо сознаемъ, что эта догадка въ отдѣльности не отличается безспорностью, но, всетаки, просимъ имѣть ее въ виду при заключительномъ выводѣ о достовѣрности Татищева, какъ историка.

Третье извѣстіе, относящееся къ той же борьбѣ за обладаніе торговыми путями Окскаго бассейна, находится у Татищева подъ 1183 годомъ. „Болгары Волскіе съ Бѣлою Русью (такъ Татищевъ именуетъ Русь сѣверо-восточную) имѣя непрестанной торгъ, множество привозили яко житъ, тако разныхъ товаровъ и узорочи, продавая въ городихъ русскихъ по Волгѣ и Окѣ; но русскіе многіе собрався тайно по Волгѣ купцовъ болгарскихъ грабили, села и города разоряли. Люди тѣ были Рязанцы, Муромцы и другихъ городовъ невѣдомые“. Когда Болгары пожаловались Всеволоду Суздальскому, онъ велѣлъ разбойниковъ „ловя приводить, а ловить ихъ по Волгѣ не послалъ“. Тогда Болгары озлобились, пришли въ области бѣлорусскія, которыя около Городца, Мурома и до Рязани, великое разореніе учинили, увели много людей и скота [2]). Это сообщеніе, имѣющее тѣсную связь съ двумя уже разсмотрѣнными нами извѣстіями о Болгарахъ, въ другихъ лѣтописяхъ отсутствуетъ. Но „жито“, какъ предметъ вывоза изъ Болгаріи, упоминается

ваетъ такіе матеріалы, которые онъ зналъ по имени, но которыхъ *достать при всемъ желаніи нигдѣ не могъ* (Лѣтопись Смоленская, Луговскаго—Описаніе походовъ царя Алексѣя и судъ надъ Никономъ, Лихачева—Жизнь царя Ѳеодора Алексѣевича). Все это на недобросовѣстнаго фальсификатора не похоже (*С. М. Соловьевъ*. Писатели русской исторіи XVIII в. III. В. Н Татищевъ.—Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящ. до Россіи, издав. Н. Калачевымъ. Книга II, полов. 1. М., 1855, отдѣл. III, стр. 20).

[1]) *Н. Поповъ*. Ученые и литературные труды В. Н. Татищева, стр. 60.

[2]) Исторія Россійская, кн. III, стр. 248.

въ лѣтописяхъ еще въ 1024 году [1]). Съ другой стороны, подъ 1184 г. въ лѣтописяхъ описывается походъ Всеволода на Болгаръ со многими подручными князьями (между прочимъ, съ Рязанскими и Муромскимъ), очевидно, съ цѣлью наказать Болгаръ за тотъ набѣгъ, о которомъ у Татищева разсказано подъ 1183 годомъ. „Всеволодъ возвратися въ Володимерь, а конѣ пусти на Мордву"—кратко заканчиваетъ свой разсказъ Лаврентьевская лѣтопись [2]). У Татищева здѣсь опять видимъ осмысленныя и интересныя подробности: „Конницу отъ р. Суруи (нынѣ Сура) отпустилъ берегомъ на Мордву, которые идущимъ на нихъ за Всеволодомъ вредъ дѣлали и людей побили. Оные воеводы, пришедъ въ Мордовскую область, много селъ ихъ до р. Цны разорили и со многимъ полономъ возвратились" [3]). Послѣднее сообщеніе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на исторію колонизаціи мордовскаго края, въ которомъ уже къ концу XII в., значитъ, было уже довольно густое населеніе, была сельскохозяйственная культура и существовали тѣ самыя „села въ Мордвѣ на Цнѣ", о какихъ упоминается въ договорныхъ грамотахъ Рязанскихъ князей XV вѣка [4]).

Наконецъ, мы должны отмѣтить у Татищева подъ 1209 г. еще одинъ эпизодъ изъ долговременнаго спора Болгаръ съ славянами о торговыхъ Окскихъ путяхъ. „Болгары, пришедъ на Рязанскую область, дѣлали разореніе, о чемъ увѣдавъ князь великій Всеволодъ, велѣлъ Рязанскому тысяцкому, Матвѣю Андреевичу, собравъ войско, сколько можно, итти на нихъ. Онъ же, немедленно собрався, догналъ ихъ въ Кадомѣ, и былъ между ними жестокой бой, и едва болгаръ побѣдили, но тысяцкій Рязанскій самъ убитъ" [5]). Древнѣйшіе лѣтописные своды объ этомъ фактѣ совершенно молчатъ. Только въ Никоновской лѣтописи кратко упомянуто: „того же (6717) лѣта убіенъ бысть въ Кадомѣ тысяцкій Рязанскій Матфѣй Андрѣевичъ" [6]). Нѣтъ нужды подробно доказывать, что преимущество точности и ясности изложенія событія на сторонѣ свода Татищева. Историкъ Иловайскій, дѣлая догадку о глухой борьбѣ Рязанскихъ князей съ земскими (мѣстными) начальниками—тысяцкими, ссылается, между прочимъ, на событіе 1209 года въ Кадомѣ [7]). Но изложеніе Татищева въ данномъ случаѣ совсѣмъ не даетъ матеріала для такого вывода.

---

[1]) Лаврент. лѣтоп., стр. 144.
[2]) Лаврент. лѣтоп., стр. 369—370.
[3]) Ист. Росс., III, 252.
[4]) Догов. грам. Рязан. князей Ивана Вас. и Ѳеодора Вас., 1496 г.—Собран. Госуд. Грам. и Договоровъ. Томъ I, стр. 322.
[5]) Ист. Росс., III, 365.
[6]) Полное Собран. Рус. Лѣтоп. Томъ X. Спб. 1885, стр. 60.
[7]) Исторія Рязанскаго княжества, стр. 120—121.

Итакъ, мы нашли въ сводѣ Татищева цѣлую группу извѣстій, относящихся къ одной Пріокской области и характеризующихъ одну существенную сторону въ жизни ея обитателей—ихъ многолѣтнюю борьбу съ болгарами изъ-за преобладанія на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ. Извлеченныя нами свѣдѣнія или совсѣмъ не встрѣчаются въ другихъ лѣтописяхъ, или имѣютъ въ нихъ форму краткихъ и неясныхъ замѣтокъ. Отличаясь большею опредѣленностью и связностью, эти сообщенія Татищева, въ то же время, отвѣчаютъ запросамъ исторической критики и если не вполнѣ подтверждаются другими косвенными данными, то во всякомъ случаѣ отнюдь имъ не противорѣчатъ. Общимъ источникомъ для всѣхъ этихъ извѣстій вполнѣ возможно признать мѣстную лѣтопись Муромо-Рязанскаго края.

2. Чтобы не затягивать своего реферата, я не буду останавливаться на дополнительныхъ свѣдѣніяхъ у Татищева о дѣятельности нѣкоторыхъ Муромскихъ и Рязанскихъ князей, не стану отмѣчать его только своду принадлежащихъ подробностей въ изложеніи болѣе мелкихъ событій Муромо-Рязанской исторіи [1]). Я остановлю ваше вниманіе только еще на одномъ важномъ фактѣ изъ религіозной жизни этого края—на вопросѣ объ учрежденіи Рязанской епархіи. Подъ 1198 г. у Татищева значится: „Ярославъ, князь Рязанскій, по согласію съ братьями, просили великаго князя Рюрика и митрополита, дабы область Рязанскую отъ епархіи Черниговскія отдѣлить и поставить въ Рязань особаго епископа, и какъ великій князь соизволилъ, избрали игумена Арсенія и послали къ митрополиту Іоанну, его же митрополитъ поставилъ сентября 26 дня“ [2]). Это сообщеніе отъ начала и до конца представляетъ собою исключительную особенность Татищева—другимъ лѣтописнымъ сводамъ и спискамъ оно совершенно не извѣстно. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ тѣмъ же 6707 (1198) годомъ есть только замѣтка, имѣющая хронологическую связь съ извѣстіемъ Татищева: „Благовѣрный вел. кн. Рюрикъ Ростиславичъ отда дщерь свою, Всеславу, на Рязань, за Ярослава за Глѣбовича [3]). Щекатовъ связываетъ вмѣстѣ оба извѣстія—Татищева и Ипатьевской лѣтописи, очевидно, желая представить бракъ Рязанскаго князя съ дочерью великаго князя Рюрика Ростиславича какъ обстоятельство, почему вопросъ объ отдѣльномъ епископѣ для Рязани разрѣшился такъ быстро и легко [4]). Карамзинъ вы-

---

[1]) Наприм., подъ 1095, 1096, 1149 и др. годами.

[2]) Ист. Рос., III. 329.

[3]) Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., II, 152. Въ текстѣ Ипат. лѣтописи 6707 г., по мартовскому счисленію, переданъ 1199 г.; но Татищевъ и Карамзинъ, считая съ января, ставятъ здѣсь 1198 г.

[4]) Географическій словарь Россійскаго Государства. Часть V.

писываетъ въ примѣчаніяхъ извѣстіе Татищева, но самъ открытіе Рязанской епархіи относитъ къ 1207 году, когда въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается о Рязанскомъ епископѣ [1]). Послѣдующіе историки то вполнѣ принимаютъ сообщеніе Татищева, то столь же рѣшительно его отрицаютъ. Въ первой группѣ нужно назвать Любомудрова, Иловайскаго, архим. Макарія [2]). Архіеп. Филаретъ въ „Исторіи Русской церкви", основываясь на Лаврентіевской лѣтописи, подобно Карамзину, относитъ начало Рязанской епископіи къ 1207 году, а въ статьѣ: „Рязанскіе іерархи" заявляетъ, что извѣстіе Татищева не подлежитъ сомнѣнію [3]). Е. Голубинскій относится къ Татищеву съ полнымъ недовѣріемъ и по поводу его извѣстія объ открытіи Рязанской епархіи замѣчаетъ: „вопервыхъ, великіе князья Кіевскіе тогда ровно ничего не значили и вся власть принадлежала великимъ князьямъ Владимірскимъ, вовторыхъ, митрополитъ Іоаннъ 1198 года нигдѣ болѣе кромѣ Татищева не упоминается" [4]). Но эти возраженія г. Голубинскаго служатъ только отголоскомъ его крайняго скептицизма въ отношеніи къ Татищеву. Если кіевскіе князья въ концѣ XII в. ничего не значили въ области политической, то Кіевъ, все-таки, и въ то время не утратилъ своего значенія церковнаго—значенія каѳедральнаго города всей Русской митрополіи. Отсюда тѣ или иныя личныя отношенія кіевскихъ князей съ митрополитами могли получать въ церковныхъ дѣлахъ характеръ обстоятельствъ, содѣйствующихъ или препятствующихъ. Въ правилахъ митроп. Іоанна II (1080—1088 г.г.) прямо говорится, что открытіе новыхъ епископій должно согласоваться съ соизволеніемъ „перваго стольника русскаго" [5]). Оффиціальное значеніе Кіевскаго великаго князя оставалось и въ концѣ XII в. Въ 1183 г. епископъ Суздаль-

---

Москва. 1807, стр. 528, подъ сл. „Рязань".—Но здѣсь же, на стр. 488 и слѣд., подъ сл. „Рязанская епархія" говорится, что точныхъ свѣдѣній не имѣется, и начало Рязанской епархіи, какъ и у митропол. Платона, отнесено ко времени святит. Алексѣя (Краткая церковн. Россійская исторія, часть I, стр 185). То же у *Воздвиженскаго*, Историч. обозрѣн. Рязанской іерархіи, стр. 3—4, *Доброклонскаго*, Руков. по ист. рус. церкви. М. 1883, стр. 17—и друг.

[1]) Исторія Госуд. Россійскаго, т. III, примѣч. 153 и 125. Также *Калайдовичъ*. Археол. изслѣдов. о Рязани, стр. 22.

[2]) Объ учрежденіи Рязан. епархіи и объ іерархич. ея устройствѣ.—Рязан. Губерн. Вѣдом. 1854 г., № 43.—*Иловайскій*. Исторія Рязанск. княжества, стр. 76—77, 115.—Архим. *Макарій*. Сборникъ церковно-историч. и статистич. свѣд. о Рязан. епархіи, стр. 79—93 (Моск. 1863).

[3]) *Филаретъ*. Истор. Рус. Церкви. Изд. 4. Черниговъ. 1862. Періодъ I, стр. 114, прим. 304. *Его-же*, статья: „Рязанскіе іерархи". Христ. Чтеніе, 1859 г., ч. I, стр. 179.

[4]) *Е. Голубинскій*. Исторія рус. церкви. Томъ 1. Половина 1. Москва. 1880, стр. 574

[5]) Русскія Достопамятн., издав. Обществ. Ист. и Древн. Россійскихъ. Часть I. Москва. 1815, стр. 102.

скій Лука былъ поставленъ по желанію Всеволода III и съ согласія Кіевскаго князя Святослава. По смерти Бѣлгородскаго епископа Максима, вел. кн. Рюрикъ поставилъ на его мѣсто отца своего духовнаго, Адріана, игумена Выдубицкаго [1]). При такомъ близкомъ участіи и значеніи князя Рюрика Ростиславича въ церковныхъ дѣлахъ, нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что Рязанская епископія учреждена съ его „соизволенія". Кстати, по Ипатіевской лѣтописи въ 1198 г. умеръ Черниговскій князь Ярославъ Всеволодовичъ [2]), такъ что Черниговскій епископъ, если бы пожелалъ отстаивать за собою Рязань, не имѣлъ опоры въ свѣтской власти. Что касается митроп. Іоанна, то въ „Исторіи іерархіи" по однимъ каталогамъ въ 1198 году онъ значится [3]). Въ другихъ, правда, этого имени нѣтъ. Но мѣсто для него имѣется и несомнѣнно, что въ 1198 г. Русская митрополичья каѳедра не была праздна [4]). Наконецъ, въ противовѣсъ возраженіямъ Голубинскаго необходимо отмѣтить полную опредѣленность и точность сообщенія Татищева (указаны лица, годъ, мѣсяцъ и даже число событія) [5]) и его согласіе съ исторіей, хронологіей и тогдашнимъ положеніемъ Рязанской земли (обширность и могущество Рязанскаго княжества, заключавшаго въ себѣ въ то время цѣлыхъ три отдѣльныхъ княжества—Муромское, Рязанское и Пронское) [6]). Всѣ эти данныя заставляютъ отнестись къ извѣстію Татищева объ открытіи Рязанской епархіи съ полнымъ довѣріемъ. А такъ какъ Муромъ былъ и первымъ стольнымъ городомъ Муромо-Рязанской области, и первымъ каѳедральнымъ городомъ Рязанскихъ епископовъ [7]), то мы безъ колебаній можемъ

---

[1]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. Т. X. (Никонов. лѣт.). Спб. 1885, стр. 10. Т. II, стр. 138. Ср. Соловьева, I, 727—728.

[2]) *Р. Зотовъ.* О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику. . Лѣтопись занятій Археогр. Ком. Вып. IX. Спб. 1893, стр. 267.

[3]) Исторія іерархіи. Часть I, изд. 2. Кіевъ. 1827, стр. 86—87.

[4]) По Голубинскому, митроп. Никифоръ 2 упомин. съ 1182 по 1197 годъ. Далѣе слѣдуютъ митроп. Гавріилъ и Діонисій, но второй изъ нихъ упоминается только подъ 1210 годомъ (Ист. рус. церкви, т. I, полов. 1, стр. 251). Ясно, что послѣ 1197 года могъ нѣкоторое время занимать митрополичью каѳедру и Іоаннъ (ср. сюда у самого Голубинскаго замѣчаніе о томъ, что подъ 1198 г. въ лѣтоп. упоминается митроп., не называемый по имени (того-же полутома стр. 789).

[5]) Въ связи съ этимъ интересно указать на то, что всѣ извѣстія Татищева о князѣ Рюрикѣ Ростиславичѣ отличаются большею подробностью, точностью и обстоятельностью, чѣмъ извѣстія другихъ источниковъ (*Р. Зотовъ* О Черниговскихъ князьяхъ..., стр 55—57).

[6]) Подробн. см. у архим. *Макарія*, Сборн. свѣдѣн. о Рязан. епархіи, стр. 87—93.

[7]) Въ житіи кн. Константина Муромскаго говорится: „И тако пребысть Муромская епископія (по уходѣ еп. Василія изъ Мурома) въ Рязани; нарицаетъ же ся и до днесь Борисоглѣбская, одержанія ради града Мурома святому Глѣбу. По семъ же Муромъ паки отъ Рязанскихъ епископовъ благословляется, сами же къ тому епископы

признать, что свое сообщеніе Татищевъ заимствовалъ изъ мѣстныхъ записей—изъ Муромской лѣтописи.

3. Руководствуясь такъ называемымъ „методомъ остатковъ“ [1]), мы выдѣлили въ сводѣ Татищева тѣ важнѣйшія извѣстія, какія могли составлять отличительную особенность въ содержаніи упоминаемой имъ Муромской лѣтописи. Но есть нѣкоторая возможность охарактеризовать содержаніе послѣдней еще съ одной стороны. Въ XXIX главѣ первой книги „Исторіи Россійской“ Татищевъ опровергаетъ басню о войнѣ Скиѳовъ съ холопами и затѣмъ говоритъ: „Нѣкоторые наши писатели, неосторожно отъ иностранныхъ древностей взявъ въ Русскіе вносили и присвояли, знатно думая, что другіе тѣхъ не знаютъ и впредь знать не будутъ, подобно какъ старые и ветхіе лоскутья къ своему новому къ бѣлому платью для разпещренія пришивали, которое не токмо явно неправо, но и *непристойно*, яко избавленіе Милета Тразибуломъ изъ Геродота Бѣлуграду, Владиміру Мономаху поединокъ съ Корсунскимъ воеводою изъ Геродота-жъ и пр. Но я еще къ сей холопьей войнѣ нечаянно досталъ прочитать исторію града Ростова, и она не токмо

въ Муромъ на житіе не возвращахуся, и оттолѣ въ именованіи епархіи нарицается прежде Рязанскій, а потомъ Муромскій епископъ. А иногда бываху посѣщенія ради епископіи во градѣ Муромѣ, тогда нарицахуся прежде епископи Муромстіи, а потомъ Рязанстіи“. Во второй части житія сообщается, что князь Георгій Ярославичъ, обновивъ Муромъ, „*и епископа попрежнему у ихъ церкви устроилъ* именемъ Василія“. Наконецъ, по одной редакціи житія князя Константина (помѣщен. въ „Памятникахъ старин. рус. литературы, издан. гр. Кушелевымъ-Безбородко, т. I, стр. 229 и слѣд.) самое прибытіе этого князя въ Муромъ съ епископомъ и клиромъ для крещенія жителей и устроеніе въ немъ епископіи отнесено къ 6700 (1192) году. (Архим. *Мисаилъ*. Свят. благов. кн. Константинъ Муромскій... Труды Владим. Учен. Архивн. Ком. Кн. VIII. Владиміръ. 1906, стр. 4 и слѣд.—Архим. *Макарій*. Сборникъ свѣдѣн. о Рязан. епархіи..., стр. 93—96. Рязанскія Достопамятности, собран. архим. *Іеронимомъ*. Рязань. 1889. § 52). Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ житія (составленнаго по многимъ признакамъ не ранѣе половины XVI вѣка), рядомъ съ обычной житійной риторикой, сохранилъ въ своемъ трудѣ и нѣкоторыя фактическія черты, пользуясь, можетъ быть, тѣми же мѣстными источниками, которые были потомъ и въ рукахъ Татищева. – Самое сказаніе о чудесномъ перенесеніи еп. Василія по Окѣ въ Рязань служитъ отголоскомъ того, что іерархическое преимущество только уже впослѣдствіи перешло отъ Мурома къ Рязани.

Затронувъ вопросъ о возможномъ общемъ источникѣ у автора житія кн. Коистантина съ Татищевымъ, мы не можемъ не остановиться на одномъ весьма любопытномъ обстоятельствѣ. По житію, въ Муромѣ, предъ прибытіемъ туда Константина, наряду съ язычествомъ („мордовская прелесть“), было въ большой силѣ магометанство („болгарстіи агаряне“). Послѣдній фактъ находитъ свое полное объясненіе и подтвержденіе въ приведенныхъ нами извѣстіяхъ Татищева о прочныхъ торговыхъ связяхъ Мурома съ болгарами.

[1]) *Дж. Ст. Милль*. Система логики, перев. В. Ивановскаго. М. 1899, стр. 318 и слѣд.

ветха, но по письму и бумагѣ мню болѣе 200 лѣтъ писана; въ ней о семъ пространнѣе нежели индѣ находится: мѣсто тоже, что въ *лѣтописи Муромской*, Колязинъ монастырь разумѣетъ быть холопій градъ“ [1])... Мы умышленно отмѣтили въ первыхъ строкахъ реферата, что въ текстѣ „Исторіи Россійской“ ссылокъ на Муромскую лѣтопись у Татищева нѣтъ. Приведенная сейчасъ выдержка дѣйствительно взята не изъ самаго лѣтописнаго свода Татищева, а изъ вводной главы, посвященной разсмотрѣнію скандинавскихъ названій древней Руси въ сагахъ и т. п. Тѣмъ не менѣе выдержка эта для насъ интересна вдвойнѣ: во-первыхъ, въ ней еще разъ ясно называется лѣтопись Муромская, а во-вторыхъ, тутъ же дается и нѣкоторый матеріалъ для сужденія о томъ, какого рода „не весьма пристойныя басни“ нашелъ Татищевъ въ этой лѣтописи и счелъ нужнымъ отмѣтить, какъ выдающуюся особенность въ ея содержаніи. Насколько разнообразенъ былъ кругъ этихъ легендарныхъ сказаній въ Муромской лѣтописи („*многими* баснями... наполнена“), разумѣется, опредѣлить нѣтъ возможности. Но знакомство съ языкомъ „Исторіи“ Татищева позволяетъ сдѣлать въ этой области одну догадку. Именемъ „басни“ Татищевъ обычно называетъ лѣтописные разсказы о волхвахъ, чародѣяхъ, ложныхъ чудесахъ и подобныхъ явленіяхъ [2]). Но среди небольшого количества литературныхъ памятниковъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ спеціально Муромскому краю, самое видное мѣсто занимаютъ такъ назыв. „Муромскія житія“—князей Константина, Михаила, Ѳеодора, Петра и Февроніи [3]). Если мы припомнимъ, что въ послѣднемъ житіи (Петра и Февроніи) есть, между прочимъ, рѣчь объ убіеніи змія, о добываніи Агрикова меча, о томъ, какъ дѣвица ткала красна, а передъ нею былъ заяцъ и т. п.,—то слова Татищева о „непри-

---

[1]) Греческій разсказъ о войнѣ Скиѳовъ съ холопами повторялся Герберштейномъ, Стрыйковскимъ и друг. (Карамзинъ, т. I, прим. 458).

[2]) По поводу лѣтописнаго разсказа о смерти Олега Татищевъ отзывается: „явная басня по древнему суевѣрству о ворожеѣ“... Несторовы сказанія о волхвахъ онъ называетъ „безумными баснями“. По поводу извѣстія о змѣѣ, спадшемъ съ неба, замѣчаетъ: „сіе есть басня“... (см. эти и подобн. выдержки у *Н. Попова*, Татищевъ и его время, стр. 464—469, 474 и друг.).

[3]) Повѣсть о житіи кн. Петра и супруги его Февроніи издана въ Памятн. стар. рус. литер. Кушелевымъ-Безбородко, т. I, стр. 29—45. Ср. также *Ѳ. И. Буслаева*: Очерки рус. литер. и искусства. Т. I. Спб. 1861, стр. 288 и слѣд. *В. Ключевскаго*: Древнерусскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ. М. 1871, стр. 287. *Н. Травчетова*: Г. Муромъ и его достопримѣчательности. Владиміръ. 1903, стр. 16—20.— Возможно также, что Муромская лѣтопись содержала въ себѣ и нѣсколько разсказовъ о волхвахъ, подобныхъ тѣмъ, какіе даются Лаврентьевскою лѣтописью о Ростовскихъ и Суздальскихъ волхвахъ подъ 1024 и 1071 г.г. (Лаврент. лѣтоп., стр. 144, 170—175).

стойныхъ басняхъ" позволяютъ предполагать, что въ составъ Муромской лѣтописи входили и указанныя Муромскія легенды.

4. Въ заключеніе нельзя не остановиться на одной второстепенной подробности въ упоминаніи Татищева о Муромской лѣтописи, именно, на тѣхъ его словахъ, что лѣтопись эту въ 1722 году у него взялъ въ Персидскій походъ Петръ Великій. Сообщеніе это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ отношеніяхъ Петра Вел. къ русской исторіи, и лично къ Татищеву и о Персидскомъ походѣ. Въ 1716 г., проѣзжая чрезъ Кенигсбергъ, Петръ велѣлъ для себя снять точную копію Радзивиловскаго списка лѣтописи. Въ 1722 году было приказано по всѣмъ епархіямъ и монастырямъ высылать въ Синодъ „куріозные, т.-е. древнихъ лѣтъ рукописные на хартіяхъ и на бумагѣ церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочіе имъ подобные" [1])... Иногда Петръ Великій лично бесѣдовалъ съ Татищевымъ о русской исторіи [2]); по совѣту Брюса, Татищевъ списалъ для себя лѣтопись Нестора изъ библіотеки Петра В. [3]). Въ персидскій походъ Петръ ѣхалъ чрезъ г. Муромъ (чѣмъ, вѣроятно, и объясняется его интересъ къ Муромской старинѣ), а при возвращеніи изъ похода „подъ инструменты и подъ книги его величества" куплена была особая телѣга [4]).

На основаніи нашихъ наблюденій и изслѣдованій какой же общій выводъ можно сдѣлать по вопросу о достовѣрности Татищева, какъ историка? Въ статьѣ: „О составѣ русскихъ лѣтописей" Бестужевъ-Рюминъ, какъ мы упоминали выше, отдаетъ дань преобладавшему въ 60—70 гг. недовѣрію къ Татищеву [5]). Но въ книгѣ: „Біографіи и характеристики" тотъ же историкъ считаетъ очень цѣнной работой „отдѣленіе всѣхъ особыхъ извѣстій Татищева, опредѣленіе, какія изъ нихъ принадлежатъ которому изъ его неизвѣстныхъ источниковъ, и затѣмъ оцѣнка ихъ достовѣрности на основаніи

---

[1]) *В. Иконниковъ.* Опытъ русской исторіографіи. Томъ I. Кн. 1. Кіевъ. 1891, стр. 112—113.

[2]) *Н. Поповъ.* Татищевъ и его время, стр. 444—445.

[3]) Исторія Россійская, I, стр. XX.

[4]) *Г. Есиповъ.* Сборникъ выписокъ изъ архивн. бумагъ о Петрѣ Вел. Томъ II. М. 1872, стр. 106 и 120.

[5]) Но въ I т. „Русской Исторіи" (М. 1872) Бестужевъ-Рюминъ уже считаетъ предъявлявшіяся къ Татищеву обвиненія въ подлогѣ совершенно неосновательными (введеніе, стр. 212), хотя, наприм., отрывокъ изъ Полоцкихъ лѣтописей у Татищева прямо признаетъ поддѣлкой (стр. 181).

частію памятниковъ сохранившихся и частію внутреннихъ соображеній. Многое, конечно, было бы гадательнымъ въ этой работѣ, —заключаетъ Бестужевъ-Рюминъ,—но всетаки были бы достигнуты важные результаты; по крайней мѣрѣ, вошли бы окончательно въ исторію многіе факты“ [1]). Этотъ взглядъ Бестужева-Рюмина постепенно находитъ въ нашей исторической литературѣ все болѣе широкое примѣненіе. Мы уже имѣемъ теперь работы по повѣркѣ извѣстій Татищева о походѣ Мономаха на помощь грекамъ, о приводимомъ у него отрывкѣ изъ Полоцкихъ лѣтописей и о лѣтописи Іоакимовской [2]). Къ этимъ трудамъ я осмѣливаюсь присоединить и свои изысканія по вопросу о Муромской лѣтописи. Вполнѣ соглашаюсь, что не мало въ такихъ работахъ гадательнаго. Но постепенно отдѣльныя слабыя кольца смыкаются въ болѣе прочную цѣпь. Съ каждой слѣдующей попыткой сплетается все болѣе замѣтный вѣнокъ на голову Татищева, одного изъ типичныхъ представителей Петровской эпохи—человѣка съ значительными житейскими слабостями, но въ то же время и съ неугасающими порывами къ добру и правдѣ. „Наука возмужала,—можемъ мы теперь повторить слова одной давней статьи нашего выдающагося историка,—отдѣльныя изслѣдованія показали важность извѣстій, помѣщенныхъ въ сводѣ Татищева, и наступило время отдать должное знаменитому труженику“ [3]).

С. Н. Введенскій.

---

[1]) „Біографіи и характеристики“. Спб. 1882, стр. 163.

[2]) Мы разумѣемъ здѣсь работы г.г. Васильевскаго („Византія и Печенѣги“.—Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., кн. XII), Сапунова („Достовѣрность отрывка изъ Полоцкихъ лѣтоп. у Татищева подъ 1217 г.“—Чт. Общ. Ист. и Древн., 1898 г., III, отд. V, стр. 6—13), Лавровскаго (О Іоакимовской лѣтописи), Сенигова и друг.

[3]) *С. М. Соловьевъ.* В. Н. Татищевъ. Архивъ историко-юридич. свѣд., изд. Калачевымъ. Кн. II, полов. I, отд. III. стр. 39.